

Идея национального единения в медиадискурсе Юга России в годы Первой мировой войны

ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич

*Кандидат философских наук,
старший научный сотрудник отдела
экспертно-консультативной деятельности
и проблем культурного и природного наследия
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева.
Электронная почта: gutsalov_Alex@mail.ru.*

The Idea of National Unity in the Media Discourse in the South of Russia during the World War I

Alexander A. GUTSALOV

*Cand. Sci. (The History of Philosophy),
Senior Researcher, Department of the Expert Advisory
Activities
and Problems of Cultural and Natural Heritage,
Southern Branch, Russian Research Institute of the
Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
E-mail: gutsalov_alex@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматривается трансляция идеи национального единения в печатных изданиях Юга России периода Первой мировой войны. Проводится сравнительный анализ медиаконтента довоенного и военного времени. Выявляются различные аспекты и подходы к освещению темы.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, Юг России, национальное единение, медиадискурс.

Abstract

The article discusses the translation of the idea of national unity in the periodical press of the South of Russia during the World War I. A comparative analysis of the media content in pre-war and wartime is presented. The various aspects and approaches to the coverage of the subject are revealed.

Keywords: The World War I, periodicals, South of Russia, national unity, media discourse.

К началу Первой мировой войны на Юге России сложилась довольно развитая сеть периодических изданий. Официальными правительственными периодическими изданиями были газеты «Донские областные ведомости», «Кубанские областные ведомости», «Ставропольские губернские ведомости», «Терские ведомости». По своей популярности у читателя с ними успешно конкурировали многие частные издания того времени. Наиболее извест-

ной среди них была газета «политическая, экономическая и литературная» «Приазовский край» (ред. в 1913–1915 гг. Ф. С. Каллига, в 1916 г. А. Ф. Саликовский), издававшаяся в Ростове-на-Дону, но распространявшаяся не только на Юге и во всей России, но и даже за рубежом. На Ставрополье издавались газеты «Северокавказский край» «Северный Кавказ». Первая была весьма популярна и объемна, но из-за своих либеральных антиправительственных настроений часто закрывалась и появлялась под другими названиями. К примеру, она также известна под названием «Северокавказская газета». Пользовались популярностью владикавказские газеты «Голос Кавказа» и «Весь Кавказ» (ред. М. Далгат, депутат Госдумы IV созыва (1912–1917)). В Астраханской губернии была широко известна «газета прогрессивного направления, независимая от каких-либо партий или кружков» «Астраханский листок» (редактор-издатель В. И. Склабинский). Немало частных изданий («Кубанский край», «Кубанский курьер» и др.) выходило на Кубани.

В целом, они создавали довольно сложную и многообразную информационную палитру с различными оттенками и позициями. При анализе информации газетам в целом удавалось выдерживать спокойный и сбалансированный подход, избегать определяющего влияния поверхностной бравады ура-патриотизма, которая зачастую является всего лишь механизмом внутренней компенсации осознания собственной слабости и неуверенности в победе. Эти издания не навязывали свое редакционное мнение читателю, давали возможность представить самые различные мнения и позиции, даже весьма критичные по отношению к правительству.

Свою читательскую аудиторию имели религиозные издания — Астраханские, Владикавказские, Ставрополь-

ские, Донские Епархиальные Ведомости (все они были закрыты в 1917 г.). Распространялось множество церковных журналов из других регионов России — «Церковь и Жизнь»; «Миссионерский сборник, издав. Братством св. Василия, еп. Рязанского»; Журнал церковно-общественной жизни, науки и литературы «Христианин»; еженедельное издание «Троицкое слово»; Киевский новый журнал «Христианская мысль»; «Православный благовестник»; иллюстрированный духовный журнал «Воскресный день»; «Душеполезное чтение»; «Странник»; иллюстрированный религиозно-нравственный и общественный журнал «Кормчий»; ежемесячный богословский и миссионерско-апологетический журнал «Миссионерское обозрение»; еженедельный иллюстрированный, популярно-апологетический и духовно-литературный журнал «Голос Истины» и др.

Перед началом любой войны, как правило, проводится ее полномасштабная информационная подготовка. Основы побед и достижений в будущих военных действиях закладываются задолго до их начала — в идеологических сражениях за умонастроение людей. Они осуществляются в разных скрытых, завуалированных и открытых формах. Примеров этому множество. Это и многочисленные религиозные миссионерские экспансии на территории противника, призванные отколоть по возможности больше людей от коренной связи со своей страной и верой, от братских отношений с людьми иных вероисповеданий. Это и формирование недовольства правительством и сложившимися порядками, подстрекательства к акциям открытого протеста. Это и формирование активного протестного слоя населения и распространение всякого рода небылиц и сплетен, порочащих власть, в том числе и церковную, а также распространение ложных сведений о состоянии экономики и т. д.

Настроения предвоенного времени, судя по публикациям в южнороссийской прессе, были тревожными. Первый номер нового 1914 г. ведущего издания на Юге России «Приазовский край» был открыт публикацией рисунка, изображающего малыша с лентой «1914» (символ только что родившегося года) и перед ним весы, на которых на одной чаше — пушка, а на другой — ветвь молодой поросли. Война или мир — как судьбоносный выбор этого года. Рядом с весами лежит ружье, барабан, другая ветвь с листьями [35, с. 1]. Народ словно замер в ожидании — грозного набата войны или все же мира. И общее настроение было скованно тревогой и ожиданием катастрофы. Оно было подобно «спокойствию безжизненности», в которой «мы не только не видим порывов к чему-нибудь великому, идеальному, все-народно-охватывающему, но даже сама вера в реальность чего-либо подобного, как будто исчезла» [11, с. 1427]. Вполне возможно, что это настроение преобладало и в первые дни войны. Корреспондент «Приазовского края» констатировал тогда: «Величайшим плюсом данной мобилизации была ее популярность, всеобщность и сознанный неизбежность, обеспечивавшая то психическое состояние, которое характеризуется словом: Спокойствие» [28, с. 3].

Предвоенные настроения были наполнены духом ожидания катастрофы. Это сейчас мы можем адекватно оценить, насколько мощное социально-экономическое и политическое развитие переживала Россия в то время. Но большинство публикаций перед войной было не о том. В изданиях, особенно частных, преобладали сообщения, рождающие ощущения тревожности и всеобщей нестабильности: о забастовках, банкротствах банков в разных регионах страны, судебных процессах, семейных и корпоративных разладах, криминальных происшествиях, что

еще больше повышало градус общей напряженности, неуверенности и даже некоей социальной растерянности. «Распутинская» тема приобретает антиправительственный характер: «Распутин, это — характерный пережиток государства «старого порядка», когда политику делали не в государственных учреждениях, не под контролем правовых гарантий, а путем личных происков» [26, с. 3].

Для выяснения изменения тематики публикаций был произведен анализ материалов девяти номеров «Приазовского края» за 1914 г. (двух номеров довоенного времени и семи номеров — военного). Данные приведены в таблице 1. Из 68-ми статей выпуска «Приазовского края» от 8 июля только 18 — позитивного содержания. 29 публикаций описывали криминальные события, из них 10 — покушение на Распутина, 11 — тревожные события в Европе, 7 — забастовки, 3 — финансовые проблемы.

Эти данные показывают, что война явилась объединяющим и консолидирующим общество фактором. Наложило уменьшение в несколько раз количества сообщений криминального характера, полностью исчезают такие темы, как забастовки, антиправительственные демонстрации, слухи (в т.ч. «распутинская» тема). В то же время увеличивается количество сообщений на военные темы, вплоть до 82 % (1 августа). Мы отмечаем также незначительное увеличение количества материалов (преимущественно позитивных), так или иначе связанных с национальным вопросом, в подавляющем количестве которых говорится о безоговорочной готовности россиян независимо от национальности включиться в борьбу против Турции, Германии и Австро-Венгрии, а также о конкретных действиях в этой связи.

Тема войны стала, безусловно, доминировать. Красной нитью через все публикации (на военные, внешнепо-

Таблица 1

Тематические изменения публикаций
в газете «Приазовский край»

№ п/п	Номер газеты	Криминальная хроника		Международные новости		Национальный вопрос		Забастовки, критика		Распутин		Позитивные новости	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1.	№177 07.07.14	19	28	11	16	-	0	10	15	10	15	18	26
2.	№178 08.07.14	22	23	12	13	3	3	7	7	9	9	42	44
3.	№197 28.07.14	8	8	65	68	4	4	-	0	-	0	18	19
4.	№200 01.08.14	5	4	103	82	4	3	-	0	-	0	14	11
5.	№299 14.11.14	9	7,5	63	53	4	3	-	0	-	0	44	37
6.	№300 15.12.14	8	6	87	69	8	6	-	0	-	0	23	18
7.	№329 16.12.14	7	6	61	51	5	4	-	0	-	0	47	39
8.	№330 17.12.14	8	7	53	43	6	5	-	0	-	0	45	38
9.	№342 31.12.14	5	4,5	59	53	17	15	-	0	-	0	30	27

литические, экономические, религиозные, идеологические, духовно-философские и иные темы, официальные материалы) проходила идея важности общенародного единения.

Нужно отметить, что тема войны стала не некоей отдельной темой наряду с другими, а общим фоном, на

котором более отчетливо вырисовывались все стороны жизни страны; она стала определителем степени зрелости всего общества и состоятельности нации как таковой.

Первая интеллектуальная реакция на объявление войны — на фоне всеобщего эмоционального воодушевления от праведной возможности защитить Сербию — спокойный вдумчивый анализ причин происходящего. Уже в первом после объявления войны номере Донских Епархиальных Ведомостей возникшая ситуация была воспринята как требование тотальной переоценки ценностей: «Переживаемое нами теперь время является, кажется, именно временем переоценки всяких ценностей, как политических, общественных, так, главным образом, и религиозных» [14, с. 1024]. Реакция русской интеллигенции в первые дни и месяцы войны — не обвинять весь немецкий народ (виновато его руководство) [27, с. 3], а осознать глубинные причины войны в качественном состоянии духовной жизни и, в первую очередь, именно российского общества: «Не за наши ли грехи и беззакония и теперь постигло нас грозное посещение Божие? Не для нашего ли духовно-нравственного обновления потребовалась эта великая страшная жертва (война)? Может быть, эта очистительная жертва зажжет в наших сердцах святую искру и в наших душах засияют лучи Божьей правды» [20, с. 1245].

Нужно отметить необычайно глубокий анализ происходящих трагических событий в периодике того времени, особенно в религиозных изданиях. Война осознавалась ими одновременно как межрелигиозная, антирелигиозная (антихристианская) и религиозная.

Смысл межрелигиозной войны сводился к сражению латинства (католичества и протестантизма) с православием («церковь православную поработить латинству») [2, с. 1].

Война понималась как война против религии и христианства как таковых, как война против Бога. Этим она оправдывалась как праведная и богоугодная — не война против ближних и врагов своих, которых нужно прощать и со смирением встречать все ими творимые напасти, а праведная и богоугодная война против врагов Бога. «Мы не достойны будем имени христиан, если окажемся неисполнителями заповеди по отношению к нашим врагам, но не имеем права проявить слабость к врагам Божиим и не встать против их посягательств, всеми силами нашего существа против «врага Креста Христова» (Фил. 3,3; Иак. 4,4)... Все возражения о необходимости любви к врагам, относятся к проявлению любви к врагам нашим, но не к врагам Божиим» [5, с. 1681].

Война также понималась как религиозная — за восстановление первоначального истинного облика христианства на территории Европы (нести на запад «чистое христианство», «ибо то христианство, которое существует там, изменило лик Христа» [13, с. 1639]) и против мирного (а теперь и военного) завоевания страны чуждой нам идеологией, системой экономики, протестантскими взглядами.

Война осознавалась и мировоззренчески — как война между двумя видами патриотизма — эгоистического, заикленного на интересах только своего народа, и вселенского, альтруистического. Первый приводит к развитию эксплуатационных appetitov, приводящих к разрушению других культур и саморазрушению. Другой — к преуспеянию в совместной культурной работе на благо всех народов [9, с. 1068–1069].

Война осознавалась как сражение между двумя обликами культуры — человекобожества (на основе мертвого рационализма Канта, Маркса и Ницше) и единого Богочеловечества.

Война представлялась как битва фундаментальных мировоззренческих установок — между ложью и правдой, между силой, попирающей справедливость и право, и правдой, основывающейся на Боге, между совестью и бессовестным эгоизмом, между невежеством, проявляющемся в фанатической абсолютизации заповедей, и мудростью, различающей контексты фундаментальных смыслов веры.

Война понималась как суд Божий над несправедливыми и как шанс отстоять праведность и тем самым спастись. В рамках такой логики суд был строгий и справедливый, призывающий к ответственности и очищению своей души от «всякия скверны».

Война воспринималась как учитель, который учит трудолюбию, смирению, победе над страстями, возвращает способность находить приют в божественном самосознании. И это были не только теоретические размышления церковных иерархов того времени, но и констатация реального уровня самосознания народа. В исторических оценках мы часто недооцениваем роль такого устроения масс, считая его слишком идеалистическим, оторванным от реалий повседневности. И в итоге сами не замечаем, как оторвав саму жизнь от живых реалий живой веры, умертвляем жизнь и превращаем ее в мертвый плод искусственной конструкции.

Как бы то ни было, наряду с самокритичностью и сдержанностью напряженного интеллектуального анализа мыслителей того времени, народную реакцию на начало войны можно охарактеризовать как всеобщее патристическое воодушевленное пробуждение.

Вот как, к примеру, описывается реакция казаков на известие о мобилизации на войну в одной из донских ста-

ниц: «... В самом настроении невольных свидетелей доставки важного пакета из округа было что-то праздничное, доброе и серьезное... Я думал, что внезапность мобилизации оставит в душе казачьей массы хоть каплю сумбурности. Ошибка моя была громадная: лица у казаков были веселые, настроение уверенное, бодрое. Как будто был великий праздник. Одни пожимали один другому руки, иные целовались...» [5, с. 17–18].

Произносилось множество пафосных речей, люди были полны решимости и полной уверенности в победе: «Встанем же все от мала до велика и докажем дряблой немцуре, что в Отечестве нашем есть еще и непобедимое Войско Донское, а с ним и все русское казачество, и главный командир у нас — наш Великий Царь!..» [5, с. 26]. В среде российского казачества повсеместно разделялись подобные настроения.

Весьма характерной чертой времени были регулярные публикации телеграмм с выражением верноподданнических настроений в адрес руководства России от Наказных Атаманов, церковных властей.

К примеру, в тексте телеграммы от Наказного Донского Атамана Верховному Главнокомандующему Великому князю Николаю Николаевичу мы читаем: «...Донское Войско быстро и грозно поднимается сейчас идти за Вами защищать Государя и святую Русь с горячею верой в Божью помощь и с чувством искренней вернопреданности и любви к вашему Императорскому Высочеству, своему Верховному Главнокомандующему» [5, с. 37].

Разумеется, в ответ шли телеграммы с благодарностью и выражением полной уверенности в силе и непобедимости наших войск. Вот что ответил 23 июля 1915 г. Великий князь Николай Николаевич на вышеприведенную

телеграмму: «...Верю, что с помощью Божией мы победим врагов Царя и родины. Уверен, что, когда будет нужно, все казаки от мала и до велика, способные носить оружие, станут, как один, и, осеня себя крестным знаменiem, ринутся на врага. С нами Бог...» [5, с. 37].

Особую роль в поддержании общего духа играли активные перемещения императора Николая II на фронтовых и прилегающих к ним территориях. К примеру, посещение им Новочеркасска 5 декабря 1914 г. вызвало необычайный подъем в обществе. Люди стремились выразить свою искреннюю преданность царю и Отечеству.

Слова, сказанные Донским и Новочеркасским Епископом Владимиром в честь приезда Государя, очень ярко и точно передают общее настроение того времени: «...“Живет наша русская Русь” и на глазах Твоих, Великий Государь, преображается в Русь святую, не знающую ни столь недавних еще разделений, ни внутренней междоусобной вражды, готовую на всякие жертвы для обеспечения славного будущего своей великой, единой, неделимой общей родины — Матушки России...» [19, с. 1746–1747].

Такого рода отношение не могло не тронуть и самого Императора, который неизменно выражал свою Высочайшую благодарность за любые подвиги, пожертвования и выражение верноподданнических настроений. Вот, к примеру, одна из его телеграмм: «От Войскового Наказного Атамана до последнего казака благодарю Дон за его преданность. Знаю его готовность дружно стать на защиту Престола и Родины. НИКОЛАЙ» [5, с. 36].

Посещение царем Донского кадетского корпуса, Донского Мариинского института, Мариинского приюта и лазаретов при всех этих учреждениях, а также лазаретов в доме торговых казаков и в здании реального училища

поддерживало эту волну патриотического воодушевления. Связь между «небожителем» царем и его «земным» народом становилась осязаемой, прочной, расстояние между ними сокращалось. И это играло позитивную роль в формировании общественного сознания.

Этот момент был очень важен, потому что в общей распространенной концепции царской власти и личности царя прямо утверждались не только богоугодность царской власти, а именно учрежденность ее самим Богом: «Сам Бог учреждает царей, и потому им надо поклоняться не за страх, но и за совесть» [19, с. 1752]. «На царей нельзя смотреть как на обыкновенных смертных... на царей надо смотреть, как на слуг Божиих, ограждающих жизнь и благосостояние добродетельных людей и карающих творящих зло» [19, с. 1754]. «Кто противится царю, тот противится Божию постановлению» [19, с. 1755]. Поэтому и свержение царя в 1917 г. в казачьей среде было воспринято без одобрения. Выделяющимся на этом фоне звучало мнение, что «теперь нам придется жить без земного Бога...» [36, с. 247].

Нужно отметить регулярные публикации в прессе довольно объемных списков убитых, раненых, попавших в плен, пропавших без вести, умерших от ранений и исцелившихся. И это, с одной стороны, еще более консолидировало общество и вызывало готовность к еще большему самопожертвованию и служению родине, а с другой, постепенно формировало и совсем другие, пессимистичные, настроения и оценки.

Общая направленность работы официальных и частных медиасредств была определенно направлена на поддержку патриотических настроений в обществе. Этому служило множество содержательных форм подачи сообщений — официальные телеграммы, призванные

поднять дух войск, материалы о беспримерных подвигах наших воинов, большое количество информационных сообщений о проведении молебнов о даровании победы русскому оружию, причем в самых разных конфессиях (иудейских синагогах, магометанских мечетях, старообрядческих общинах, православных храмах и монастырях, грузинских и армянских церквях), интервью с представителями разных конфессий, регулярная информация о списках перешедших в православие иноверцев (из числа раскольников и протестантов-сектантов). Печатались призывы к благотворительности, помощи беженцам из Галиции, Польши, Армении, многочисленные — практически в каждом номере газет — публикации о пожертвованиях, о проведенных благотворительных лекциях, концертах, вечерах, информация о создании множества благотворительных обществ, отчеты о состоянии экономики, материальных ресурсах страны, об активности передвижений русского царя и т. д.

В информации о подвигах российских воинов на фронтах фигурировали не только казаки, но и представители самых разных этнических групп, сословий, социальных групп населения.

В боях рождались первые герои, которые становились своеобразным символом времени и ожидаемой будущей победы. Особую популярность приобрели известия о награждении первым Георгиевским крестом за подвиг донского казака хутора Нижне-Калмыкова Усть-Оперской станицы Козьмы Крючкова, «который один побил одиннадцать немцев, получив 16 ран пикой в себя, одиннадцать в лошадь» [5, с. 39]. Публиковались телеграммы в адрес Донского казачества от командующего армией генерал-адъютанта Реннекампа, в ответ и на места шли

благодарственные телеграммы от Наказного Атамана Войска Донского генерала от кавалерии В. И. Покотило. Донскому казаку Крючкову было посвящено несколько брошюр [27, с. 3], а также большое количество статей [5, с. 42–44]. Публикации о подвигах казаков заполнили газеты и журналы того времени (см.: [6, с. 42–110] [16, с. 1322–1344] [16, с. 1413–1415] [20, с. 1832–1833]).

«Приазовский край» и «Донские областные ведомости» стали выпускать специальные приложения с фотографиями, рисунками, коллажами. К примеру, в одном из таких номеров опубликована подборка фото георгиевских кавалеров «Герои Дона» [35].

Сообщения о подвигах казачества поддерживали воинский дух и общие патриотические настроения в обществе. Пожалуй, это как раз тот самый случай, когда правдивые сообщения о подвигах наших воинов лишают необходимости в особых мерах по искусственному формированию патриотизма и готовности отстаивать интересы страны. В Германии такие настроения формировались часто откровенной ложью и обманом своих солдат. К примеру, немецким военным подразделениям при нападении на Бельгию было сообщено, что они осуществляют экспансию в ответ на многочисленные просьбы бельгийцев освободить их от гнета французов [27].

Патриотические настроения поддерживались и регулярными сообщениями о представлениях к наградам, которые дополнялись иногда развернутым рассказом о совершенных подвигах. Например, беспрецедентно было представление лично царю для награждения сразу 550 пластунов из 1-ой Кубанской пластунской бригады генерала Гулыги. И царь лично наградил каждого бойца Георгиевскими крестами и медалями [38, с. 94].

Нужно отметить и изменение характера публикаций в исторических периодических изданиях. К примеру, в широко известном журнале «Русский Архив» была дана целая серия публикаций о казачестве и их подвигах в Первую Отечественную войну 1812 г. Приводимые истории их боевой отваги, необычайного мужества и военной сноровки, внушавшие восхищение самого Наполеона, также поддерживали общий боевой настрой. «Одно слово “казак” наводило ужас, как на офицеров, так и на французских солдат. “Тений Императора парализуется деятельностью казаков!” (слова кавалерийского генерала наполеоновских войск Ле-Валетта)» [39, с. 522]. «По словам этого французского генерала, —они являются “лучшей кавалерией в Европе, вполне достигшей цели своего назначения”... Недаром же немцы теперь боятся так казаков, а их военачальники не придумали ничего лучшего, как распространять среди солдат и населения чудовищные об их действиях рассказы, чем только более усилили общую панику, способствуя к поражению своих же отрядов» [39, с. 523]. Подобные публикации появляются и в Епархиальных Ведомостях [18, с. 1585–1596].

В годы войны, особенно в 1915–1916 гг., публиковалось много различных брошюр о подвигах казаков во Второй Отечественной войне. Одна из них была специально посвящена казачьему подразделению — 10-му Донскому казачьего генерала Луковкина полку. Брошюра написана самим командиром. Этот полк, состоящий из 800 бойцов, участвовал в 38 боях, взял «1919 пленных..., что составит по 2,5 на каждого казака...». Потери личного состава составили 33% (263 казака). Он приводит данные о количестве награжденных Георгиевскими крестами в его полку: «1-й степени 3 /человека/...; 2-й — 5...; 3-й — 38...; 4-й —

243...», что в общей сумме награжденных составляет 35% личного состава (289 бойцов) [4, с. 26–27].

Особую роль играли публикации родительских благословений своим сыновьям: «..Помни, сынок, что ты Донской казак и бейся с врагом до последней капли крови! Храни славу и честь своих дедов и казацкой отвагой порадуй их кости... Да и мою седину не забудь, сынок, и своим героизмом заслужи такой же крест святого Георгия, какой видишь на мне. Слушай своих командиров и исполняй их волю и нехай они будут там тебе вторыми отцами. ... Ну да благословит тебя Господь!» [5, с. 33–34]. Сообщалось, что некая казачка привела двух своих сыновей 18-ти и 19-ти лет от роду на запись в добровольцы, причем, другие ее два сына уже воевали на фронте [18, с. 1617–1618].

Не менее важными для трансляции идеи национального единения были публикации о тыловых патриотических инициативах. Трогательная статья «Извозчики, журналисты, война» в «Приазовском крае» информировала о состоявшемся в Армавире собрании извозчиков. Главный вопрос собрания — вопрос об устройстве «извозничьева дела» на нужды войны. Комментарий журналиста был следующим: «Я не знаю, к какой партии принадлежат армавирские извозчики, и что они думают о будущем Европы, но несомненно, что они принадлежат к партии порядочных людей и что сердце их, под грубым армяком, бьется с сердцем истории» [31, с. 2].

Аналогичное сообщение — о собрании общества шоферов в Ростове-на-Дону, которое на своем первом организационном собрании пожертвовали в армию 20500 папирос [31, с. 2]. А вот информация о пожертвованиях школьников: «Кто две копейки, кто три, кто — пятак; все несут и с таким восторгом, какой свойственен только

детям» [18, с. 1610]. Казачки, жены казаков отправлялись в тыл армии, чтобы повидать своих мужей и включиться в помощь им (постирать, подштопать одежду), что было очень ценно в боевых условиях [29, с. 3].

Сложность и потенциальная взрывоопасность межэтнических и межрелигиозных отношений учитывались редакционными коллективами. Героями публикаций на военно-патриотические темы становились калмыки, евреи, чехи, поляки, армяне, татары и др.

К примеру, ряд материалов был посвящен подвигам калмыков в Отечественной войне 1812 г. [17, с. 1494–1497] и в нынешней Второй Отечественной войне [32, с. 2].

Публиковались материалы, которые способствовали преодолению недоверия к еврейскому населению империи. Сообщалось об их подвигах, сборах ими средств в пользу армии, молитвах о победе России в синагогах.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на тенденцию к расширению понятия «русский народ». В заметке «Пуришкевич и евреи» сообщается о заявлении бывшего яркого антисемита одесского депутата Пуришкевича: «В великий исторический день я убедился, что евреи — такие же верноподданные русскому Государю, как и я. Нет больше евреев и русских, есть один великий нераздельный русский народ... В такой исключительный момент не должно быть места травле евреев, готовых защищать родину, как и все мы, русские граждане. Наше внимание должно быть обращено на объединение всех граждан, а не на разъединение их. Настроение в народе бодрое, широкие массы не различают сейчас евреев от русских, и грех правой печати сеять сейчас рознь среди тех, которые грудью готовы защитить родину свою...» [27, с. 3].

Это было кардинальным и очень позитивным изменением в оценке понятия «русский народ» — как вмещающего в себя разные этнические группы, объединенные единой русской культурой и языком.

Даже немцы, живущие в России, попали в это понятие русского народа:

«— Вишь, немчура-то — заявляет какой-то запасной — заодно с нами воевать собирается.

— Ну и пусть. Разве Россия для них не отечество?» [27, с. 3].

Безусловно, были примеры и иного, негативного, отношения к нацменьшинствам, но все же периодические издания устойчиво проводили линию на общенациональную консолидацию. Даже в материалах о конфискации и аресте имущества в России тех или иных подданных вражеских государств эти вынужденные законные меры всегда обосновывались по отношению именно к конкретным лицам, а не к данной национальности как таковой (см.: [29, с. 2] [32, с. 3]).

В плане трансляции неприятия «иностранцев» и иноверцев наиболее радикальной была религиозная пресса. В ней немецкое расселение в России понималось как форма мирного завоевания страны [15, с. 1139–1140]. Звучали общераспространенные обвинения немцев — оказание помощи деньгами, золотом, хлебом и продуктами немецкой армии с помощью сборов, захват земель, навязывание неэффективных немецких высоких технологий в области наук, сельского хозяйства, возвращение народа иноверием, распространение присущего им фанатизма, своего языка в научном мире, стремление ассимилировать народы, их окружающие [3, с. 68].

Ставился вопрос об угодности Богу «других вер: лютеранства, латинства и пр., об язычестве, магометанстве, иудействе с его талмудом» [14, с. 1682]. Конечно, в то время

более уместной была бы постановка вопроса о возможности инкультурации этих вер в общую матрицу русской культуры сквозь призму вопросов безопасности и единства страны. Однако упоение собственной значимостью приводит к печальным выводам православных апологетов: «Можно ли даже спрашивать: ...угодны ли Богу такие отравленные ложным учением исповедания веры? Ясно, что не угодны. На вопрос о возможности спасения в сих исповеданиях общий ответ: только в Церкви православной обрести можно спасение» [14, с. 1684]. «Истина только одна. Истинная вера только одна. Это — вера православная. Всякая неправославная вера имеет в себе или примесь лжи, или вся ложна. Отец лжи есть дьявол, а Бог ненавидит ложь» [14, с. 1681]. Эти утверждения подаются как Божие слово, поэтому возражение или попытка спорить с таким мнением толкуется, как спор с самим Богом [14, с. 1682].

Число критических статей, посвященным протестантским сектам, возросло. В них проводится однозначная связь между сектантами и врагом, которая заключается в принципиальном непатриотизме первых, отказе по религиозным причинам защищать родину и поддерживать любую воюющую сторону даже молитвой (тотальный пацифизм на основе радикального истолкования заповедей «не убий», «любить врагов наших, не противиться злему; ударившему нас в одну щеку подставить другую без всякого рассуждения; отнимающему у нас рубаху без сопротивления должны отдать и верхнюю одежду; молиться за обижающих, убагловотворять всячески ненавидящих нас, благословлять проклинающих нас...» [14, с. 1672].

На этой основе делались выводы о том, что сектанты — тайное идеологическое оружие врага. Но какие меры предпринимались в связи с этим? Выстраивалась плано-

мерная слаженная и только неагрессивная миссионерская работа, в результате которой многие люди возвращались в православие. Предпринимались государственные, церковные меры по смягчению негативного отношения к сектантам и представителям других вер, всячески поощряя полную консолидацию общества вне зависимости от религиозных и национальных признаков. К примеру, вышел специальный Указ Императора по отводу мест на православных кладбищах для погребения старообрядцев и сектантов [13, с. 644], вышла статья о недопустимости агрессивной критики униатства [31], публиковались редкие сообщения об участии сектантов и раскольников в помощи фронту [34]. Результат — постоянное увеличение количества лиц, перешедших из сект в православие.

Однако пресса, в целом, не ставила под сомнение полноценную вовлеченность в дело защиты России представителей традиционных для государства религий — христианства, мусульманства, буддизма, а также иудаизма. Об этом свидетельствовало огромное количество сообщений о службах, пожертвованиях, призывах к защите России, о чудесах, происходящих по молитвам представителей разных конфессий.

Появляются важные с точки зрения отслеживания (сейчас бы сказали мониторинга) настроений граждан по религиозным и этническим признакам материалы по темам: Как относятся мусульмане к мусульманской стране, совершившей нападение на Россию? Готовы ли они сражаться на стороне России? Перейдут ли на сторону противника? Объявят ли джихад и станут ли воевать за ислам (а не за Турцию или Россию) против неверных?

На вопрос о возможности священной войны приводится ответ одного из самых близких к турецким и

закавказским суннитским мусульманам муфтия Гуссин-эфенди-Гаибова: «Двух мнений по отношению к войне, затеянной Турцией, — быть не может: мусульманство верно своему отечеству и у него нет оснований быть недовольным. В России мусульманство пользуется широкой веротерпимостью. Агитация за священную войну могла иметь успех там, где есть религиозные гонения. Я сам готов умереть за право исполнять свои обряды, требы, посты и произносить свои молитвы. Но у нас все это есть. Правительство признает наши учреждения, награждает нас чинами и орденами. Я знаю свой народ и от имени всего мусульманства скажу: султан имел бы право объявить войну лишь в том случае, если бы существовала угроза мусульманству» [29].

И это были не просто слова. В газетах публиковалось множество заметок, историй, воспитывающих межконфессиональное единство и взаимную терпимость. «В русской армии ... никому не запрещают говорить на родном языке и молиться, как велит вера» [30]. Мусульмане однозначно выступили единым фронтом против врагов (не только Германии, но и, что особо важно, исламской Турции), о чем свидетельствовало множество фактов. К примеру, официальное приглашение Ростовского магометанского муллы В. Надеева к участию в «торжественном богослужении о даровании победы русской армии и флоту» [27]; татарская молодежь деревни Коккозы, сплошь населенная татарами провела «молебствие с участием мулл-уломов и имамов о здравии Государя Императора и ниспослании победы русскому оружию», называя «гнусное нападение Турции вероломным» [30].

В этой связи выглядит спорным вывод современного американского историка Э. Лора, усматривающего

причины разрушения России в русском национализме, в гонениях на этнические и религиозные меньшинства. Он привлек внимание к проблемам отказа от натурализации иностранцев, конфискации земель, предприятий у этнически нерусского населения, «массовых депортаций евреев и немецких колонистов», вольного или невольного поощрения стихийного насилия против «инородцев», что «бумерангом ударило по традиционным основаниям имперского строя» [21, с. 9]. Он пишет: «Несмотря на то, что кампания против вражеских подданных в значительной мере вобрала в себя русскую националистическую программу, мы увидим, что результатом этого стало не создание русской нации или чувства национальной идентичности, но — совсем наоборот — обострение межэтнических конфликтов по всей империи. Как только государство избрало националистический вариант данной кампании, оно неожиданно обнаружило себя в роли поощрителя процесса, который Марк фон Хаген назвал «мобилизацией этничности»» [21, с. 18].

На наш взгляд, Лор не видит существенного различия между национализмом русским и германским, сводя первый по смыслу ко второму. Также ошибочно выдавать стихийный и ответный русский национальный подъем масс за государственную политику империи.

Тема негативного отношения к подданным стран противника или этнически связанным с ними в периодике того времени освещалась довольно скудно. К примеру, есть ряд сообщений о секвестировании имущества, об аресте и высылке в Сибирь (см.: [29] [32]), об исключении из состава Академии наук неприятельских подданных за сборы ими пожертвований в пользу Германии [1]. Им так-

же вменялось навязывание своей веры, попытки этим разрушить единство русской нации. Большинство подобных сообщений касалось российских столиц.

На наш взгляд, война позволила существенно снизить имевшуюся ранее межнациональную напряженность. Царские призывы забыть эти проблемы, встать «как один человек» в обществе были восприняты с энтузиазмом: «Настала пора подняться и сплотиться сынам России в одно целое и встать на защиту родины, как один человек...» [12, с. 1565]; «В русской армии нет национальных вопросов. Людей не различают по национальности» [30, с. 2].

Отмечается выражение верноподданнических настроений «народов Кавказа без различия национальности, проявивших в тяжелые дни чувства любви и преданности к Отечеству и Державному Вождю... Блестяще проходящая мобилизация показывает полную готовность населения Кавказа принести в жертву кровь детей своих» [27]. Такое единодушие вызывает готовность министра внутренних дел Российской Империи Н. А. Маклакова ускорить процесс введения земств на территории Кавказа.

Важным представляется и налаживание добрососедских отношений между народами Кавказа. К примеру, в Осетии и Грузии всячески пропагандировались культурные контакты, недопустимость разжигания розни: «Разжигание розни между грузинами и осетинами — непростительный грех. С осетинами у нас одно прошлое, и будущее тоже будет одним — братским и дружеским» (цит. по: [37, с. 442]).

Братская помощь и мощная поддержка в печати армянскому народу-беженцу в России, возможность свободно пользоваться национальным языком (даже при чтении пу-

бличных лекций) рождали ответное благодарное желание помочь России в борьбе с врагом: «Хорошее впечатление произвели на владыку армянские дружины, сражающиеся отважно» [24]. «Армяне всего земного шара поднялись, как один человек, и лучшее, что имели они, свои юные силы, свою надежду, свою гордость, — послали на поле брани, на геройский подвиг под славным стягом великой России» [32].

Итак, основываясь на анализе материалов легальной прессы Юга России 1914–1916 гг., можно заключить, что трансляция идеи национального единства вне зависимости от различий по этническому и религиозному признакам была одной из основных медийных стратегий военного времени. Она соответствовала политике имперского руководства, нацеленной на преодоление негативных факторов напряженности межконфессионального и межнационального характера, делавшей ставку не на русский (в узко этническом смысле) национализм, а на консолидацию всего общества («как один человек»).

Использованная литература:

1. Академия наук об исключении из ее состава неприятельских поданных (кроме лиц славянского, французского или итальянского происхождения) // Война. Хроники и отклики. Петроград, 1915. № 9. С. 59–63.
2. Астраханские Епархиальные Ведомости. 1916. № 1.
3. Астраханские Епархиальные Ведомости. 1916. № 3. 30 янв.
4. Генерал Луковкин. На память казакам 10-го Донского казачьего генерала Луковкина полка о славных боевых днях 1914–1915 гг. Каменец-Подольск, 1915.
5. Давыдов В. Д. Славное казачество во вторую Отечественную войну. Новочеркасск: Донская епархиальная тип., 1915. Вып. 1.

6. Давыдов В. Д. Славное казачество во вторую Отечественную войну. Новочеркасск: Донская епархиальная тип., 1915. Вып. 2.
7. Донские Епархиальные Ведомости. 1914. № 32. 11 нояб.
8. Донские Епархиальные Ведомости. 1914. № 22. 1 авг.
9. Донские Епархиальные Ведомости. 1914. № 23. 11 авг.
10. Донские Епархиальные Ведомости. 1914. № 25. 1 сент.
11. Донские Епархиальные Ведомости. 1914. № 28. 1 окт.
12. Донские Епархиальные Ведомости. 1914. № 30. 21 окт.
13. Донские Епархиальные Ведомости. 1914. № 32. 11 нояб.
14. Донские Епархиальные Ведомости. 1914. № 33. 21 нояб.
15. Донские епархиальные известия. 1914. № 23. 11 авг.
16. Донские епархиальные известия. 1914. № 26. 11 сент.
17. Донские епархиальные известия. 1914. № 29. 11 окт.
18. Донские епархиальные известия. 1914. № 31. 1 нояб.
19. Донские епархиальные известия. 1914. № 33. 21 нояб.
20. Донские епархиальные известия. 1914. № 34. 1 дек.
21. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
22. Нелюбин Г. Донской казак Козьма Крючков. Первый георгиевский кавалер «Великой борьбы народов» 1914 г. Книгоиздательское товарищество «АСТРА», 1914.
23. Приазовский край. 1914. № 197. 29 июля.
24. Приазовский край. 1914. № 299. 14 нояб.
25. Приазовский край. 1914. № 342. 31 дек.
26. Приазовский край. 1914. № 176. 7 июля
27. Приазовский край. 1914. № 197. 29 июля
28. Приазовский край. 1914. № 200. 1 авг.
29. Приазовский край. 1914. № 299. 14 нояб.

30. Приазовский край. 1914. № 300. 15 нояб.
31. Приазовский край. 1914. № 329. 16 дек.
32. Приазовский край. 1914. № 342. 31 дек.
33. Приазовский край. Еженедельное иллюстрированное приложение. 1914. № 1. 1 янв.
34. Приазовский край. Еженедельное иллюстрированное приложение к газете. 1914. №49. 6 дек.
35. Приложения к «Донским областным ведомостям». 1915. №1. 1 марта.
36. Сизенко А. Г., Федичев В. В., Черепахин В. П. Мы Донские казаки. Документы, факты, очерки истории станицы Луганской XVII — XX ст. Луганск: Глобус, 2008.
37. Тогошвили Г. Д. Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ, Владикавказский научный центр РАН, 2012. Т. 1.
38. Что писали о казаках в войну 1914-1915 гг. Петроград, 1915.
39. Юдин П. А. Из эпохи 1812 г. Отрывки архивных сказаний // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1914. Т. 146. Вып. 12. С. 510—523.